

Для меня этот дом и его дворы – место, где бы я хотела прожить жизнь, как на своей самой малой Родине. Помню, как в детстве, играя в песочнице среднего двора, представляла себя старушкой, сидящей здесь же на лавочке с тросточкой в руках, и старость уже не казалась такой страшной, ведь и тогда, думала я, этот двор будет такой же солнечный, приветливый и зеленый, с красивыми клумбами и уютными скамейками. Рожденные в конце 60-х уже не помнят фонтанов, рожденные в 80-х – цветов на югумбах, а дети 90-х не застали даже скамеек во дворах. А это были не просто детали, «интерьера» двора – с ними был связан определенный образ жизни

Мир «Тридцатки»

текст

Елена Иванова

фото предоставлены
иркутским историком
Вадимом Алтуховым

текст печатается по:

Иркутский государственный
университет
Байкальская сибирь
фрагменты социокультурной
карты альманах –
исследование
Ответственный редактор и
руководитель
творческого коллектива
М.Я. Рожанский

Четырехэтажный «сталинский» дом протянулся вдоль центральной улицы имени Карла Маркса (бывшая Большая) и занимает целый квартал – от улицы Чехова (бывшей Малая Блиновская) до улицы Володарского (бывшая Благовещенская). В доме 17 подъездов по 6-8 квартир, в основном 3-4 – комнатных, с высокими потолками (3,2–3,5 метра) и квадратами окон (1,8 x 1,9 метра) – три двора, соединенных арками. С высоты птичьего полета он напоминает фрагмент античного орнамента. Средний – центральный – двор задумывался как «лицо дома». Ансамбль клумб и трех фонтанов напоминал дворцовые парки (ныне о фонтанах говорят только трубы и кусочки бетонных плит, выступающие из земли).

Когда расправились с храмом, церковное кладбище перевезли, но в 71-м году, при прокладке труб в левом дворе дома,

в траншеях вскрылись доски – остатки склепов. Открытыми траншеи стояли довольно долго, и зимой дети использовали их в качестве горок, а летом обустраивали импровизированные дома в кубических плитах, привезенных для укрытия трубопровода, и жевали вар, предназначенный для обмазывания тех же труб.

Обычно на месте снесенных храмов водружали административные здания или разбивали скверы. Не много жилых домов построено там, где ранее стояла церковь. Дом № 30 по ул. Карла Маркса – именно такой дом.

Благовещенскую каменную церковь разрушали три раза. Два раза пожары – в 1774 и в 1879 годах. Во время «большого иркутского пожара» 1879 года церковный колокол расплавился и стек на пол колокольни грудой оплавленного металла. Разрушения были велики – остатки церкви пришлось разобрать, и в 1891 г. ее отстроили заново уже в русско-византийском стиле. Третий раз храм разрушила советская власть в конце тридцатых годов.

«Намоленное» это место, как говорят верующие, или оскверненное – сказать трудно.

Некоторое время на образовавшемся пустыре был стадиончик. Потом начали строить дом. В 40-50-е годы он считался самым большим жилым домом в центре Иркутска. В обиходе его называли «Тридцатка».

...Для меня этот дом и его дворы – место, где бы я хотела прожить жизнь, как на своей самой малой Родине. Помню, как в детстве, играя в песочнице среднего двора, представляла себя старушкой, сидящей здесь же на лавочке с тросточкой в руках, и старость уже не казалась такой страшной, ведь и тогда, думала я, этот двор будет такой же солнечный, приветливый и зеленый, с красивыми клумбами и уютными скамейками. Рожденные в конце 60-х уже не помнят фонтанов, рожденные в 80-х – цветов на югумбах, а дети 90-х не застали даже скамеек во дворах. А это были не просто детали, «интерьера» двора – с ними был связан определенный образ жизни жильцов дома...

К 1941 году дом был почти достроен и уже «повернул» на ул. Чехова, но война приостановила строительство.

На первом этаже левого крыла дома располагалась воинская часть. К 1951 году военные достроили крыло по улице Чехова, но уже с некоторыми упрощениями – эта часть дома была чуть ниже и с очень узкими балконами. В том же году во-

инская часть переехала в Ленинград, а оставшимся в Иркутске было выделено несколько квартир. Место воинской части занял трест Восточно-Сибирского транспортного строительства. Дом числился на балансе железной дороги и считался «железнодорожным».

Жили в доме руководящие работники железной дороги и треста «Востсибтрансстрой». генералы и полковники (как постоянные жильцы, так и периодически меняющиеся), преподаватели вузов и учителя, врачи, футболисты, летчики, юристы, и музыканты, «...то есть публика вполне интеллигентная».

В нескольких коммунальных квартирах поселили жителей снесенных близлежащих деревянных домов.

Возможно, такое профессиональное разнообразие жильцов давало детям свободу выбора будущей специальности и объясняло отсутствие династий в семьях: «...кик привило. дети не шли по стопам родителей, но получение высшего образования (диче если свои родители его не имели) считилось симо собой разумеющимся».

Почти весь первый этаж дома занимали организации, молочный магазин, столовая (ныне кафе), детский сад. Была выделена дворницкая, в декорированной мансарде на крыше дома проживал сантехник, в подвальном помещении размещался красный уголок и столярная мастерская; на первом этаже – кабинет управляющего домом, следившего за своевременной высадкой цветов на клумбы, покраской скамеек, побелкой бордюров, деревьев и в целом за порядком в доме.

Управдом (или домоуправ) – особая фигура в доме. Его постоянное присутствие и доступность (даже для детей), регулярные обходы дворов привносили дух какой-то дополнительной защищенности и уверенности.

В подвале левого крыла дома находилось картофелехранилище. Все желающие имели свой ящик. Ежедневно в вечернее время сторож (обычно подрабатывающая старушка) открывал хранилище, и, как правило, несколько жильцов с ведрами приходили за своим картофелем. Особым днем был день «засыпки» урожая, когда жильцы, ближе к ночи, привозили с полей кули со своим картофелем, рассыпали его по кучкам на асфальте возле хранилища, перебирали и спускали в подвал. С наступлением темноты процесс не прекращался. Владельцы автомашин подсвечивали фарами. Двор напоминал деревню: все были заняты одним делом, переговаривались и шутили.

До конца 60-х годов дом имел «самостоятельное» отопление и во всех квартирах стояли титаны. Сейчас об этом времени напоминают кочеварка и массивные трубы на крыше дома, присутствие которых многим уже непонятно. По-прежнему сохраняются газовые плиты и централизованная подача газа (из огромных баллонов, зарытых в землю в третьем дворе) – предмет тревоги жителей «Тридцатки» и близлежащих домов.

Престижность дома определялась как «качеством» квартир, так и положением дома в историческом, культурном и бытовом центре города (близость центрального рынка, конечных остановок всех маршрутов автобусов и трамваев, домов быта, ателье, магазинов, кинотеатров, театров, касс «Аэрофлота» и железной дороги, общеобразовательных и музыкальных школ.

Дворца пионеров). Наконец – сама улица Карла Маркса, «киркутский Бродвей» (откуда у городской шпаны и пошло название местных жителей – «бродовские»), улица для вечерних прогулок, выходящая к набережной Ангары.

Ощущение избранности «давали» окружающие:

«...О/ Ты живешь в "Тридцатке", – и, видимо, тут же домысливали что-то свое (особенно это ощущалось в школе, думаю, не ушло это и сегодня) – «...можно было быть не очень хорошо одетым, но пропуски в «Тридцатке» срисзу повысили твой социальный ститус».

Притяжение этого дома сохраняется и сейчас. Переехавшие из него в современные дома утешают себя тем, что «...не нидо теперь мьть высокие окна» и «...легче делать ремонт». А мечтающие (даже втайне от самих себя) жить в таком – недоступном для них – доме спасаются от своих желаний, «рационализируя»: «...во всем доме газ, как рванет – мало не покажется « или »... а вот подложит тротила какому-нибудь новому русскому – весь подъезд разнесет, небезопасно в этом доме жить».

После пожара в гостинице «Сибирь» добавился еще один, самый веский, «куспокаивающий» аргумент против: «...в

"Тридцатке" такие же деревянные перекрытия, если что. сгорит весь мгновенно, как "Сибирь", и пожар не остановишь».

Время в таком доме течет по-особенному, как бы растягиваясь, без суеты. Может, это связано с особым микроклиматом, созданным высотой потолков и шириной стен, неким «негнущим» пространством, где человек чувствует себя защищенным, а не зажатым. Входишь в такую квартиру – и уходит раздражение, стихают повышенные тона. («Даже скандалы в нашем доме были интеллигентными»). Именно такие дома для человека являются местом не только физического, но и психологического комфорта.

По воспоминаниям людей, детство которых пришлось на 70-е годы, весь 132-х – квартирный дом с его дворами представлялся чем-то единым, продолжением домашнего (квартирного) пространства, где «...все свое – каждая лавочка, каждый подъезд, каждое дерево, каждый клочок-земли». Во дворах строили шалаша, располагались на газонах и обустроивали на весь световой день «свои» дома, магазины, выносили на улицу продукты и устраивали детские праздники. В дождливую погоду катались в подъездах на перилах или пристраивались в самом солнечном и любимом пятом подъезде с широким подоконником на втором этаже, зачитывали свои рассказы, нескончаемые истории. В других подъездах прятались, играя в «сыщики-разбойники». Жильцы подъезда спокойно относились к таким посиделкам, так как знали почти всех детей дома и их родителей: «Мы детьми могли свободно ответить, в какой квартире 132-х квартирного дома проживает та или иная семья, ориентировались если не по фамилии, то по занятию, профессии, наличию детей в семье».

Мне наши дворы всегда напоминали «московские дворики», запечатленные в фильмах и описанные в детских книгах. Даже отношения детей казались похожими. Самой ценной особенностью нашей детской компании было полное равноправие, чего не находили в школьных классах. Были, конечно, «заводилы», но не доминирующие лидеры, не было униженных и «непринятых», не было зависимости от материального положения, образования и социального статуса родителей. В таком дворе ребенок получал уверенность в себе, «право на свой голос». Двор был средой развивающей и ненавязчиво воспитывающей. Сегодня мы обязаны своему дому, детству, проведенному во дворах «Тридцатки», тем, что, уже проживая в разных районах города, продолжаем сохранять многолетнюю «детскую» дружбу, что не встречается среди нарциссических личностей.

Частью квартиры были коммунальными, в основном они занимали четвертый и третий этажи и не были похожи на многокомнатные коммуналки столичных городов. Квартиры делились обычно на 2-3-х хозяев. Соседи могли резко отличаться образовательным и материальным уровнем («...вплоть до наличия "Волги" в семье или редкостного в то время импортного гарнитура»), но на общую кухню несли свои знания, вкусы, кулинарные и житейские премудрости и традиции, взаимно обогащая и развивая друг друга. С 70-80-х годов жители коммуналок активно разъезжались, и сегодня таких квартир не осталось.

Кухни квартир соседних подъездов объединяли зимние стенные холодильники, разделенные символическими перегородками, сквозь которые были слышны голоса соседей: «...а если хозяйки одновременно открывали дверцы, то можно было и поздороваться с соседями». На подоконниках кухни подкармливали голубей. Кормление большого количества птиц было излюбленным занятием (и даже долгом) пенсионеров и маленьких детей. При побелке дома часть гнезд разрушалась, но голуби их восстанавливали. В 90-е годы без видимых причин почти все птицы исчезли. Сегодня несколько пар пытаются вновь прижиться в "Тридцатке", но об их пропитании уже почти никто не заботится.

Из окон дома можно было наблюдать жизнь страны: как ежегодно проходили, а потом разом исчезли демонстрации (традиция коллективных праздников), как изменялись марки машин и их количество, мода на одежду и собак; что и как раскупали в магазинах, как появлялись и пропадали товары и очереди; как менялись настроения и нравы людей; как увеличивалось число пьяниц и как появились наркоманы; как в 90-е годы зимой после девяти часов вечера, а летом с наступлением темноты люди старались не выходить из домов и т.д. и т.п.

Окна квартир выходят на обе стороны дома: фасадную – улицу Карла Маркса – и во двор. На балконах фасадной стороны соседи встречались в основном в праздники, во время прохождения демонстраций; в окнах дворов (куда чаще выходили кухни) могли «зависать» вечерами и переговариваться (чего сегодня уже не увидишь). Почему-то некоторые балконы центрального двора не были обнесены решетками – из стен выступали голые плиты (видимо, и пользоваться этим балконным устройством, выходящим на главную улицу, в свое время не разрешалось), и до конца 90-х годов никто из жильцов не пытался их огородить и обустроить...

На праздники перекрывали движение машин по улице Карла Маркса, и нарядные колонны демонстрантов шествовали мимо дома. 9-го мая проходили военные парады – можно было представить себя на трибунах Красной площади, и ощущение праздника заполняло все квартиры. С балконов и из окон соседи поздравляли друг друга с праздником. А когда в 1963 году по улице Карла Маркса в открытом автомобиле проехал Фидель Кастро, то не один житель утверждал, что именно ему кубинский вождь помаhal рукой.

К «красным» датам календаря, с 1 по 9 мая и с 7 ноября, на противоположной стороне ул. Карла Маркса, соединяя огромные балконы второго и третьего этажей старинного здания, вывешивали портреты вождей. Традиционно – напротив центрального двора "Тридцатки" портрет Владимира Ильича Ленина, напротив левого крыла дома – Леонида Ильича Брежнева. Но с какого-то года портреты поменяли местами, и было немного обидно за «дедушку» Ленина, но и радостно – теперь он был «наш», висел напротив наших окон.

Некое негласное единение жильцов дома проявлялась в очередях. Заметив жителя "Тридцатки", ты мог спокойно «подстроиться» к нему в очередь, даже не будучи знакомым лично. Это был почти закон (это свой), а для окружающих произносилось: «он здесь занимал» или «она здесь стояла», а часто: «мы вместе». Особенно это процветало, когда в 80-е годы в местном молочном магазине, находившемся на углу дома, летом выстраивались огромные очереди за сметаной. Позднее так же отоваривали талоны. В 70-е со служебного входа магазина частенько продавали дефицитные продукты: майонез, сгущенное молоко, в одно время – яйца. Очередь, в основном из местных пенсионеров и ребятишек, выстраивалась с утра – в ней проводили по полдня. Все ощущали себя добытчиками: "...набирали помногу" на работающих соседей и знакомых. И это были совершенно не те очереди, что в магазинах: это был двор своего дома, тень, скамейки, почти все лица – знакомые, а значит, еще одна возможность пообщаться, посудачить, неспешно обсудить жизнь детей, свои болезни, учебу внуков, фильмы и актеров и т.д. и т.п. В этом году магазин закрыли, на его месте, по слухам, будет казино (еще одна примета времени).

В 60-70-е годы жители «Тридцатки» (как и во всей стране) активно общались. Скамейки почти никогда не пустовали: по вечерам и выходным дням их занимали беседующие соседи, в дневное время мамы с младенцами, бабушки

с внуками, дедушки с газетами, дети школьного возраста. "Чужих" почти не было. В конце 80-х – 90-х годов гастроним в доме напротив привлек группы распивающих, и они вытеснили еще сохранивших привычку «посидеть во дворе» местных жителей. Эта новая традиция – распивать не отходя далеко от магазина – так прочно утвердилась и так напугала "Тридцатку", что сегодня уже никто не думает о восстановлении исчезнувших последних скамеек: «...а для кого? Для пьяниц, шпаны и бомжей?» (А может быть, ушла традиция или потребность общаться с соседями – разве что во время прогулок с собаками). И это относится не только ко взрослым. Уже редко увидишь «классики» на асфальте (которые в 70-х появлялись, как только сошел снег) и шумные очереди ребятишек, прыгающих через длинную скакалку; уже не играют в «сыщики-разбойники» разновозрастными компаниями, а тем более не устраивают во дворах на газонах импровизированные дома, не заполняют скамейки в два ряда для игры в «кино», «города», «краски» и «кольцо-мольцо». Все подъезды закрываются на кодовые замки, и в них уже нельзя спрятаться от дождя детям и влюбленным.

Ушла в прошлое традиция ходить по утрам с трехлитровым бидоном за квасом и разливным молоком или в «свой» киоск за свежей газетой, где продавец, зная пристрастия постоянных покупателей, не спрашивала: «Что вам?» Уже не увидишь пожилых любителей почитать газетку, сидя на лавочке во дворе.

Место газетного киоска, автоматов с газированной водой и телефонных будок заняли киоски со всевозможным товаром – начиная от водки и заканчивая зимними сапогами. К началу нового века уцелели в конкурентной борьбе только три: табачный и два круглосуточных – мороженое фирмы «Крайс» и продуктовый со спиртными напитками. Возле него частенько вечерами собираются местные молодые люди – любители пива. Хозяева киоска посадили новые деревья в центральном дворе, приподняли вросшие в землю бордюры клумб и даже проложили новые дорожки – удобные, но нарушающие ранее существующую планировку.

Как и в 90-е годы, никто не засаживает цветами клумбы, и по-прежнему очертания бетонных кругов, выступающих из земли, напоминают, что здесь когда-то были фонтаны.

В подвалы пытаются пристроиться на ночлег бомжики. а бывшую кочегарку домоуправление сдает под жилье дворникам.

Детский сад был закрыт и превращен в несколько новых квартир. Его территорию и прилегающий к ней стадиончик (который в 70–80-х годах заливали под детский каток) заставили гаражами и контейнерами. В 60-х годах несколько жильцов (в основном военные) имели «Волги» и каменные гаражи за домом («...эго казалось очень много для одного дома»). В 90-е годы все старые машины были проданы, некоторые вместе с гаражами, на их смену пришли «иномарки» новых жильцов.

Несмотря на то что в доме ни разу не проводился капитальный ремонт, сегодня дом по-прежнему остается престижным и притягательным, но уже для «новых русских». Квартиры в нем стоят страшно дорого, меняться уже почти никто не хочет, коммуналок не осталось, лишь иногда разъезжаются родители со своими подростками детьми. Квартиры «новых русских» можно узнать по «евроокнам». Приобретая «площадь» в «Тридцатке», первым делом «выносят» если не все стены в квартире, то большую их часть. И тогда это уже не 4-5-комнатная квартира, а «разделенное пространство» стольких-то квадратов. Некоторые балконы превращаются в застекленные пластиковые лоджии.

Несколько лет назад дом с баланса Восточно- Сибирской железной дороги передали в муниципальную собственность. По словам жильцов, «...лучше не стало».